

·thebigbook·

КНИГИ
УИЛБУРА
СМИТА:

РЕЧНОЙ БОГ
♦
СЕДЬМОЙ СВИТОК
♦
ЧАРОДЕЙ
♦
НА КРАЮ СВЕТА

ПОЛЕТ СОКОЛА
♦
ЛУЧШИЙ ИЗ ЛУЧШИХ

КОГДА ПИРУЮТ ЛЬВЫ
♦
И ГРЯНУЛ ГРОМ
♦
ПАДЕНИЕ С НЕБЕС
♦
ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ
♦
МУССОН
♦
ГОЛУБОЙ ГОРИЗОНТ

УИЛБУР
СМИТ

ГОЛУБОЙ ГОРИЗОНТ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44
С 50

Wilbur Smith
BLUE HORIZON
Copyright © Orion Mintaka 2003, 2018
Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Смит У.

С 50 Голубой горизонт : роман / Уилбур Смит ; пер. с англ. Т. Голубевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 736 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-16001-9

Новое поколение клана Кортни готово завоевать себе место под палящим солнцем Черного континента. Далеко не каждого чужака принимает эта земля, словно испытывая его на прочность. Но Джим Кортни не из тех, кого легко запугать; он прирожденный завоеватель и сам выбирает свою судьбу, спасая девушку с корабля, который перевозит заключенных. Они скрываются от погони в африканских лесах, где на каждом шагу беглецов подстерегает неминуемая гибель. Впереди долгая дорога — никто не знает, куда она ведет, потому что никто никогда не возвращался назад...

Продолжение эпопеи о неукротимых Кортни, чей девиз гласит: «Я выдержу».

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-16001-9

© Т. В. Голубева, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Эта книга посвящается моей жене Мохинисо —
с ней связано все лучшее,
что случилось со мной в жизни*

Они стояли втроем у самой воды и наблюдали, как луна прокладывает мерцающую живую дорожку на темном море.

— Полнолуние через два дня, — уверенно произнес Джим Кортни. — Большие красные рыбы проголодаются, как львы.

На берег набежала волна, окатив пеной ноги парней.

— Давай-ка лучше лодку на воду спустим, вместо того чтобы торчать здесь и болтать попусту, — предложил его кузен Мансур Кортни.

Его волосы сияли в лунном свете, словно только что отлитая медная монетка, и улыбка выглядела такой же яркой. Он легонько подтолкнул локтем стоявшего рядом чернокожего юношу, на котором была лишь белая набедренная повязка:

— Давай, Зама.

Они одновременно наклонились к лодке. Маленькое суденышко неохотно сдвинулось вперед, и они нажали снова, но на этот раз лодка завязла в мокром песке.

— Подождем следующей большой волны, — велел Джим, и они приготовились. — Вот она, подходит!

Вдали набухла волна, потом помчалась к ним, набирая высоту. Она вспенилась на гребне и обрушилась на берег, высоко подбросив нос ялика и заставив молодых людей пошатнуться под ее ударом, — им пришлось крепче ухватиться за планшир, когда вода захлестнула их до пояса.

— Все разом! — крикнул Джим.

Они общим весом налегли на лодку.

— Вперед!

Лодка вырвалась из песка, и юноши следом за отступавшей волной вывели ее на глубину.

— На весла! — рывкнул Джим, когда на них обрушилась следующая волна.

Все трое, подтянувшись, перевалились через борта в лодку, с их мускулистых тел стекали потоки воды. Смеясь от возбуждения, парни схватились за длинные весла, лежавшие наготове, и вставили в уключины.

— Налегай!

Весла разом пришли в движение; серебристые капли разлетались вокруг, оставляя на морской поверхности крошечные светящиеся водовороты. Ялик быстро выскочил за бурную зону прибой; юноши работали теперь веслами в легком привычном ритме, рожденном долгой практикой.

— В какую сторону? — спросил Мансур.

Они с Замой привычно посмотрели на Джима, ожидая его решения: Джим всегда был вожаком.

— К Котлу, — решительно произнес Джим.

— Я так и думал, — засмеялся Мансур. — Ты все еще нацеливаешься на Большую Джули.

Зама сплюнул через борт, не пропустив намека:

— Поосторожнее, Сомоя. Большая Джули нацеливается на тебя.

Зама говорил на лози, своем родном языке. «Сомоя» значило «ураган». Этим прозвищем Джима наградили еще в детстве из-за его характера.

Джим нахмурился при этом воспоминании. Никто из них пока даже не видел ту рыбу, которую они прозвали Большой Джули, но они знали, что это именно самка, а не самец, потому что лишь самки вырастали до таких размеров и достигали такой силы. А ее силу они уже имели возможность ощутить через натянувшийся в глубину тонкий рыболовный линь. Под натянувшейся лесой задымился фальшборт, в твердом дереве образовалась глубокая бороздка, а их ободранные ладони кровоточили...

— В тысяча семьсот пятнадцатом году, когда мой отец плавал на старой «Деве Омана», они сели на мель у Опасного мыса, — сказал по-арабски Мансур (это был родной язык его матери). — Один матрос попытался доплыть до берега, чтобы через приборой дотащить до суши канат, и тут прямо под ним, на полпути, появился большой красный зубан. Вода была такой прозрачной, что все видели, как зубан всплывает с глубины в три сажени. Он откусил матросу ногу повыше колена и разом проглотил ее, как пес глота-

ет куриное крылышко. Парень орал и бился на воде, вокруг него пенилась его собственная кровь, он пытался отогнать рыбину, но та кружила рядом и наконец схватила его за вторую ногу. И утащила парня на глубину. Больше они его не видели.

— Ты эту историю рассказываешь каждый раз, когда я хочу отправиться к Котлу, — мрачно проворчал Джим.

— И каждый раз она тебя пугает до семицветного поноса, — по-английски сказал Зама.

Эти трое так много времени провели вместе, что легко говорили на родном языке каждого из них — английском, арабском и лози. И без усилий переходили с одного языка на другой.

Джим засмеялся, но скорее чтобы скрыть свои чувства, чем от веселья.

— Скажи на милость, где ты научился столь изысканным выражениям, лесной дикарь?

Зама ухмыльнулся.

— Да от твоего благородного отца, — ответил он.

На этот раз Джим не нашел что сказать. Поэтому просто уставился на светлевший понемногу горизонт:

— Солнце взойдет через пару часов. Мне хочется побыстрее подойти к Котлу. Это лучшее время для охоты на Большую Джули.

Они направились в глубину залива, одолевая волны, катившие свободным строем из Южной Атлантики. Ветер дул им навстречу, так что они не могли поднять парус. За их спинами вздымалась освещенная луной величественная глыба Столовой горы с плоской вершиной. В заливе у ее подножия темнело скопление судов, стоявших на якоре; среди них преобладали большие корабли. Эта стоянка была караван-сараям всех южных морей. Торговые и военные корабли Голландской Ост-Индской компании и суда полудюжины других стран пользовались мысом Доброй Надежды, чтобы запастись провизией и отремонтировать корпуса и такелаж после долгих океанских путешествий.

В этот ранний час на берегу почти не было заметно огней — лишь тусклые фонари светились на стенах крепости и в окнах прибрежных таверн, где все еще веселились команды стоявших в заливе кораблей. Взгляд Джима привычно скользнул к одинокому огоньку, отделенному примерно морской милей тьмы от остальных. Там находились склад и контора торговой компании «Кортни бразерс». Джим знал, что свет горит в окне кабинета его отца на втором этаже длинного складского строения.

«Папа снова считает свои шекели», — мысленно усмехнулся Джим.

Том Кортни, отец Джима, был одним из самых удачливых торговцев на мысе Доброй Надежды.

— Подходим к острову, — сказал Мансур.

Джим снова сосредоточился на предстоявшем им деле. Он подергал веревку румпеля, обмотанную вокруг большого пальца его босой правой ноги. Они слегка изменили курс влево, направляясь к северной точке острова Роббен. Так по-голландски назывались тюлени, селившиеся на его камнях. Юноши уже могли чують запах этих животных в ночном воздухе: вонь их помета казалась просто удушающей. Когда ялик подошел ближе, Джим встал на банку, чтобы определить их положение относительно берега; он принялся высматривать метки на ландшафте, чтобы подвести лодку точно к глубокому провалу в морском дне, который они называли Котлом.

Вдруг, тревожно вскрикнув, он быстро вернулся к борту:

— Эй, гляньте на того болвана! Он же прямо на нас идет! Налегай, черт поberi, налегай на весла!

Высокий корабль неся под огромной массой парусов, бесшумно огибая северную оконечность острова. Под напором северо-западного ветра он с пугающей быстротой приближался к ялику.

— Это чертов сыроед, голландец! — выругался Джим, тоже хватая длинное весло. — Проклятый сын тухлой береговой шлюхи! Он даже огни не зажег!

— А где, скажи на милость, *ты* нахватался таких выражений? — выдохнул Мансур между двумя ударами весел.

— Ты такой же шут, как этот глупый голландец, — мрачно ответил Джим.

Корабль неотвратно надвигался на них, его нос в лунном свете серебрился.

— Остановитесь!

В голосе Мансура послышался страх, что сделало опасность еще более очевидной.

— Не трать зря дыхание, — возразил Зама. — Они там все спят. Они тебя не услышат. Нажимай!

Все трое еще энергичнее налегли на весла, и маленькое суденышко словно полетело по воде, однако большой корабль двигался быстрее.

— Нам что, придется прыгать?

Этот вопрос напряженно задал Мансур.

— Отлично! — проворчал Джим. — Мы сейчас прямо над Котлом. Вот и проверим историю твоего отца. Какую из твоих ног Большая Джули откусит первой?

Все трое бешено гребли, в прохладе ночи пот заливал их искаженные лица. Они стремились к скалам, к надежному укрытию, где большой корабль не смог бы их задеть; но им оставался до камней еще полный кабельтов, а паруса корабля уже закрывали звезды. Юноши слышали гул ветра в снастях, потрескивание рей, музыкальное бульканье волны под носом корабля. Все они молчали, лишь бешено работали веслами, в ужасе поглядывая на корабль.

— Милостивый Иисус, помоги нам! — прошептал Джим.

— Во имя Аллаха! — чуть слышно добавил Мансур.

— Предки моего племени, помогите...

Каждый взывал к своему собственному Богу или богам. Зама работал наравне с остальными, но его глаза сверкали на темном лице, когда он смотрел на настигавшую их смерть. Волна, которую гнал перед собой корабль, подняла лодку, отбросила назад, и ялик вдруг покотился по ней кормой вперед. Суденышко зачерпнуло ледяную воду. Трое юношей вылетели через борт, когда тяжелый корпус корабля ударил по лодке. Но Джим успел понять, что это был скользкий удар. Ялик отшвырнуло в сторону, но его обшивка явно выдержала.

Джим ушел глубоко под воду, но попытался нырнуть еще глубже. Он знал, что столкновение с днищем корабля стало бы смертельным. Корабль наверняка густо оброс морскими желудями за время перехода через океан, и их острые как бритвы раковины мгновенно сдерут всю плоть с его костей.

Он напряг все мышцы тела, ожидая страшного столкновения, но его не случилось. Легкие Джима горели как в огне, он задыхался. Но держался до тех пор, пока не почувствовал уверенность, что корабль прошел мимо, и лишь тогда повернул к поверхности, работая руками и ногами. Сквозь прозрачную воду он уже видел очертания луны — расплывчатые, нематериальные — и изо всех сил, собрав всю свою волю, устремился к ним.

Резко выскочив на поверхность, Джим наполнил грудь воздухом. Перевернувшись на спину, кашляя и задыхаясь, он вдыхал дарующую жизнь свежесть.

Наконец он хрипло крикнул, преодолевая боль в легких:

— Мансур! Зама! Вы где? Откликнитесь, черт вас поберит!

— Здесь!

Это послышался голос Мансура, и Джим посмотрел в ту сторону.

Его кузен цеплялся за наполненный водой ялик; его длинные рыжие локоны облепили лицо, как тюлений мех. И тут же над водой выскочила еще одна голова, как раз между ними.

— Зама!

Джим в два взмаха доплыл до него и приподнял его лицо над водой. Зама кашлял, выплевывая целые фонтаны морской воды и рвоты. Он попытался обеими руками обхватить Джима за шею, но Джим окунул его в воду, вынуждая разжать руки, а потом потащил к полузатопленному ялику.

— Вот, хватайся за это!

Он подвел руку Зама к фальшборту. И все трое повисли на ялике, стараясь восстановить дыхание.

Джим первым оправился настолько, чтобы снова разозлиться.

— Сучий сын, ублюдок! — выдохнул он, глядя вслед удалявшемуся кораблю. Тот безмятежно двигался прежним курсом, удаляясь от юношей. — Они что, даже не поняли, что чуть не убили нас?

— От него воняет хуже, чем от тюленьей колонии. — Мансур все еще хрипел, а от усилий, которые ему потребовались, чтобы заговорить, опять закашлялся.

Джим принялся и сразу уловил дурной запах.

— Работорговец. Проклятый работорговец, — резко бросил он. — Такая вонь, что не ошибешься.

— Или корабль каторжников, — все так же хрипло добавил Мансур. — Может, он перевозит заключенных из Амстердама в Батавию.

Они увидели, что корабль меняет курс; его паруса в лунном свете изменили очертания, когда он повернул в залив и присоединился к стоявшим там судам.

— Мне бы хотелось найти его капитана в одном из кабаков в порту, — мрачно заявил Джим.

— Забудь об этом! — посоветовал Мансур. — Он тебе сунет нож в ребра или еще в какое-нибудь болезненное местечко. Давай-ка лучше воду из лодки вычерпывать.

Борта ялика лишь на несколько пальцев поднимались над водой. Джиму пришлось забраться в него через корму, чтобы он не перевернулся. Он пошарил под банкой и нашел деревянное ведро, привязанное под ней. Перед тем как отчалить, они надежно

закрепили в ялике все, что могло им понадобиться, потому что проход сквозь прибой представлял собой опасное дело. Джим начал вычерпывать воду. К тому времени, когда он вычерпал уже почти половину, Зама пришел в себя настолько, что смог забраться на борт и сменить его. Джим выудил весла, плившие рядом с лодкой, потом проверил остальное снаряжение.

— Все рыболовные снасти на месте. — Он открыл мешок, заглянул в него. — Даже наживка.

— Так мы продолжим? — спросил Мансур.

— Конечно! А почему же нет, черт побери?

— Ну... — Мансур явно сомневался. — Мы же чуть не утонули.

— Но ведь не утонули, — живо возразил Джим. — Зама уже почти покончил с водой, а Котел меньше чем в кабельтове от нас. И Большая Джули ждет свой завтрак. Так что вперед, накормим ее!

Они снова заняли свои места и взялись за весла.

— Этот сырноголовый урод отнял у нас час хорошего времени! — с горечью пожаловался Джим.

— Ты мог потерять и намного больше, Сомоя! — засмеялся Зама. — Если бы меня не оказалось рядом, чтобы вытащить тебя!

Джим выхватил из мешка с наживкой дохлую рыбину и швырнул ее в Заму. Они легко и быстро возвращались в прежнее бодрое настроение.

— Полегче веслами, мы уже подходим к меткам, — предостерег Джим.

Они начали осторожно маневрировать, проводя ялик между камнями к зеленому провалу под ними. Им пришлось бросить якорь на каменный выступ с южной стороны Котла, а потом позволить течению отнести их назад, к глубокому донному провалу. Течение здесь кружило, что и послужило поводом к названию; это усложняло им работу, так что они дважды проскакивали мимо меток. Обливаясь потом и ругаясь, они были вынуждены перенести на другое место камень в пятьдесят фунтов весом, который служил им якорем, и начать сначала. На востоке уже разгорался рассвет, подкрадываясь, как вор, когда Джим наконец, проверив глубину линем без наживки, убедился, что они заняли нужную позицию. Он измерил лить, пропуская его между раскинутыми руками, когда тот уходил в глубину.

— Тридцать три сажени! — воскликнул он, почувствовав, как свинцовое грузило ударилось о дно. — Почти двести футов! Мы прямо над столовой Большой Джули. — Он быстро вытащил лить. — Наживляем, ребята!

Последовала стычка у мешка с наживкой. Джим прямо из-под руки Мансура выхватил самую аппетитную наживку, серую кефаль почти в два фута длиной. Джим поймал ее в сеть накануне, в лагуне перед складами их компании.

— Для тебя она слишком хороша, — рассудительно объяснил он. — Чтобы справиться с Джули, нужен настоящий рыбак!

Он просунул острый конец акульего крюка через глазницы кефали. Изгиб этого крюка составлял в ширину почти две ладони. Джим встряхнул цепь, к которой крепился крюк, — она была длиной в десять футов, стальная, легкая, но крепкая. Кузнец его отца, Альф, выковал ее специально для Джима. Джим был уверен, что она выдержит даже в том случае, если огромный зубан начнет колотить ее о рифы. К другому концу цепи был привязан лить. Раскрутив наживку над головой, Джим забросил ее подальше в зеленую воду. Наживка пошла в глубину, и Джим отпускал лить следом за ней.

— Прямо в глотку Большой Джули! — злорадно произнес он. — На этот раз ей не удрать! На этот раз она моя!

Почувствовав, что крюк опустился на дно, он положил оставшиеся кольца лinya на палубу лодки и крепко прижал их босой правой ногой. Обе руки Джим занял работой с веслом, чтобы, сопротивляясь течению, удерживать ялик на месте, над Котлом.

Зама и Мансур рыбачили с более легкими крюками и тонкими лесками, используя в качестве наживки небольшие куски макрели. И почти сразу начался клев — на дно лодки полетели красно-розовые тупорылы, морские лещи, пятнистые тигровые окуни, хрюкавшие, как поросята, когда их снимали с крюка.

— Детские рыбки для малышей! — насмеялся Джим.

Он старательно следил за своим тяжелым линем, осторожно действуя веслами, чтобы удержать ялик на нужном месте. Солнце поднялось над горизонтом, воздух потеплел. Юноши сняли лишнюю одежду, оставшись в одних штанах.

Совсем рядом на скалах острова сустились тюлени; они ныряли и плавали вокруг ялика. Внезапно один большой тюлень поднырнул под лодку и схватил рыбину, которую поймал Мансур: животное сорвало ее с крюка и тут же уплыло в сторону, держа ее в зубах.

— Ах ты мерзость! — возмущенно закричал Мансур, видя, как грабитель прижал рыбу к груди лапами и стал отрывать от нее куски блестящими клыками.

Джим бросил весло и потянулся к своей сумке для рыболовных снастей. Достав из нее пращу, он вложил в нее отшлифованный водой камешек. Джим набрал свои снаряды на дне реки в северной части их имения: каждый камешек был круглым, гладким и безупречно подобран по весу. Джим тренировался с пращой до тех пор, пока не научился сбивать четырех из пяти гусей, пролетающих высоко над ним. Он раскрутил пращу для броска так, что она загудела над его головой. Потом отпустил конец, и камень вырвался на свободу. Снаряд ударил тюленя точно в середину черного лба, и юноши услышали, как треснула хрупкая кость. Зверь умер мгновенно, и его тело поплыло прочь по течению, конвульсивно дергаясь.

— Больше он рыбу воровать не станет. — Джим затолкал пращу обратно в сумку. — А остальные получают урок хороших манер.

Другие тюлени метнулись прочь от ялика. Джим снова взялся за весло, и юноши вернулись к прерванному разговору.

Мансур лишь неделей раньше вернулся на одном из кораблей Кортни из торгового похода на восточное побережье Африки, к острову Ормуз. И он как раз описывал те чудеса, которые там видел, и удивительные приключения, в которых участвовал вместе с отцом, капитаном «Дара Аллаха».

Отец Мансура, Дориан Кортни, был совладельцем компании. В ранней юности он попал в плен к арабским пиратам, и его продали некоему принцу Омана, который усыновил Дориана и обратил в ислам. Единокровный брат Дориана Том Кортни был христианином, а Дориан — мусульманином. Когда Том нашел и спас своего младшего брата, они стали работать вместе. Благодаря разной вере братьев они имели доступ в оба религиозных мира, и их предприятие процветало. В последние двадцать лет они торговали в Индии, Аравии и Африке, а также продавали свои экзотические товары в Европе.

Пока Мансур рассказывал, Джим всматривался в лицо кузена и снова завидовал его красоте и обаянию. Мансур унаследовал их от отца вместе с огненно-рыжими волосами. Он был гибок и подвижен, как Дориан, в то время как Джим пошел в своего собственного отца и обладал широкой костью и силой. Отец Замы, Эболи, сравнивал их с быком и газелью.

— Эй, посмотри-ка! — Мансур прервал историю, чтобы подразнить Джима. — Мы с Замой наполним лодку до краев, а ты так и будешь сидеть. Поймай нам рыбку!

— Я всегда предпочитал качество простому количеству, — возразил Джим тоном сожаления.

— Ладно, раз уж тебе больше нечем заняться, расскажи нам о своем путешествии в страну готтентотов.

Мансур выдернул из воды очередную блестящую рыбину и бросил ее на дно ялика.

Простое, честное лицо Джима вспыхнуло от удовольствия при воспоминании о собственном приключении. Он невольно обратил взгляд к северу, через залив, на островерхие горы, которые утреннее солнце окрасило ярчайшим золотом.

— Мы ехали тридцать восемь дней, — похвастал он. — На север, через горы и огромную пустыню, далеко за границами этой колонии, хотя губернатор и совет директоров компании в Амстердаме строго запрещают выходить за ее пределы. Мы очутились в таких землях, где до нас не бывал ни один белый человек...

Джим не умел говорить так плавно или поэтично, как его кузен, но его энтузиазм захватывал. Мансур и Зама смеялись вместе с ним, когда Джим описывал туземные племена, с которыми они встречались, и бесчисленные стада диких животных, бродивших на равнинах. Время от времени он взывал к Зама:

— Ведь это и вправду так, да, Зама? Ты тоже там был. Скажи Мансуру, что это правда.

Зама серьезно кивал:

— Да, все так и есть. Клянусь могилой моего отца. Каждое слово — правда.

— Однажды я туда вернусь. — Джим пообещал это скорее самому себе, чем другим. — Я вернусь туда и дойду до голубого горизонта, до самых пределов той земли.

— А я пойду с тобой, Сомоя! — Зама посмотрел на Джима с абсолютным доверием и любовью.

Зама помнил, что говорил его отец о Джиме, когда наконец собрался умирать, измученный годами, — ослабевший гигант, чья сила некогда могла, казалось, удержать сами небеса от падения. «Джим Кортни — настоящий сын своего отца, — прошептал тогда Эболи. — Будь верен ему, как я был верен Тому. Ты никогда об этом не пожалеешь, сынок».

— Я пойду с тобой, — повторил Зама, и Джим подмигнул ему:

— Конечно пойдешь, плут. Никому другому ты не нужен.

Он хлопнул Заму по спине с такой силой, что чуть не опрокинул.

Джим собирался сказать что-то еще, но в это мгновение кольцо линия дернулось под его ногой, и он победоносно закричал:

— Джули стучится в дверь! Ну же, вперед, Большая Джули!

Он бросил весло и схватился за линь. Напряженно держа его обеими руками, Джим понемногу отпускал его, готовый натянуть в подходящий момент. Его спутники, не дожидаясь приказа, вытащили из воды свои снасти и взялись за весла. Оба они знали, что сейчас чрезвычайно важно дать Джиму простор открытой воды, где он мог бы сразиться с по-настоящему огромной рыбой.

— Ну же, ну, моя красотка! — шептал Джим, осторожно придерживая линь. Он пока ничего не чувствовал, кроме мягкого нажима течения. — Иди сюда, дорогуша! Папа тебя любит! — приговаривал он.

Потом он ощутил, как линь дернулся — мягко, почти незаметно. Каждый нерв в его теле откликнулся на это, натянувшись до предела.

— Она там. Она там!

Линь снова обвис.

— Эй, не бросай меня, красавица! Пожалуйста, не уходи!

Джим наклонился через борт ялика, подняв линь повыше, чтобы тот прямо из его руки опускался в зеленую круговерть воды. Двое других наблюдали за ним, боясь даже дышать. Потом вдруг они увидели, как поднятая правая рука Джима резко дернулась вниз, явно увлекаемая некоей огромной тяжестью. Они видели, как напряглись мышцы этой руки, словно мускулы тела гадюки, готовой к броску; ни один не произнес ни звука и не пошевелился, глядя, как держащая линь рука уже почти коснулась поверхности моря.

— Да! — тихо выдохнул Джим. — Сейчас!

Он отклонился назад, всем своим весом натягивая линь.

— Да! Да, да!

С каждым возгласом он натягивал линь, перебирая его руками, правой, левой, правой, левой... Но тот не поддавался даже силе Джима.

— Это, скорее всего, не рыба, — сказал наконец Мансур. — Никакая рыба не может обладать такой силой. Ты, наверное, зацепился за дно.

Джим не ответил. Он тянул линь изо всех сил, упираясь коленями в планшир, чтобы не потерять равновесие. Он стиснул зубы, лицо налилось кровью, глаза, казалось, готовились выскочить из орбит.

— Беритесь тоже! — выдохнул он.

Двое юношей бросились ему на помощь, но не успели добраться до кормы, когда Джим упал и растянулся у борта. Линь скользил

между его пальцами; они почуяли запах обожженной кожи, срываемой с его ладоней.

Джим заорал от боли, но хватку не ослабил. С огромным усилием он сумел забросить лить за край фальшборта и попытался закрепить его там. Но лишь потерял еще больше кожи с ладоней, а костяшки его пальцев с силой ударились о дерево. Одной рукой Джим сдернул с головы шапку, чтобы воспользоваться ею как перчаткой, когда удерживал лить.

Теперь уже все трое парней кричали как сумасшедшие:

— Дай руку! Хватай конец!

— Отпусти его! Ты крюк разогнешь!

— Возьми ведро! Поливай водой! Лить вот-вот загорится!

Зама наконец сумел подсунуть под лить обе руки, но даже их общей силой они не смогли остановить движение огромной рыбы. Лить шипел, натягиваясь, и они ощущали через него, как колотится громадный хвост.

— Воды, ради всего святого, намочи его! — завывал Джим.

Мансур, зачерпнув ведром воду, выплеснул ее на их руки и на шипящий лить. Над ним поднялся клуб пара.

— Боже мой! Да он уже почти весь размотался! — крикнул Джим, увидев конец лinya в нижней части деревянной катушки, удерживавшей его. — Скорее, Мансур! Привяжи новый моток!

Мансур действовал быстро, с давно уже приобретенной ловкостью, но все равно он едва успел; как только он затянул узел, веревка вырвалась из его рук. Узел проскочил между пальцами двоих юношей, еще сильнее содрал с них кожу, и тут же ушел под воду, в зеленую глубину.

— Остановись! — просил Джим рыбу. — Ты что, пытаешься нас убить, Джули? Почему бы тебе не остановиться наконец, красавица?

— Уже почти половина второй катушки размоталась, — предостерег Мансур. — Дай я возьму лить вместо тебя, Джим! Ты уже всю палубу залил кровью!

— Нет-нет. — Джим яростно затряс головой. — Она двигается медленнее. Сердце почти разбито.

— Твое или ее? — спросил Мансур.

— Тебе стоит выступать на сцене, кузен! — мрачно посоветовал ему Джим. — Твое остроумие пропадает даром.

Лить теперь действительно разматывался медленнее, они ощущали это своими израненными пальцами. А потом и вовсе замер.

— Оставь ведро, — велел Джим. — Хватайся за лить.

Мансур встал за спиной Замы, ухватившись за лить, и Джим смог высвободить одну руку и облизать пальцы.

— Мы ведь это делаем ради развлечения? — задумчиво спросил он. И тут же его тон стал деловым. — Эй, Джули, теперь наша очередь!

Продолжая натягивать лить, юноши выстроились вдоль палубы, согнувшись и пропустив лить между ногами.

— Раз-два-три!

Все трое одновременно налегли на канат. Узел, связывавший два литья, появился из воды и перевалил через борт. Мансур тут же снова свернул лить. Еще четыре раза гигантская рыба собиралась с силами и бросалась прочь, и им приходилось выпускать лить, но каждый раз ее побег становился короче. Они опять разворачивали ее обратно, и, как она ни сопротивлялась, ее силы постепенно иссякали.

Вдруг Джим, стоявший впереди, радостно вскрикнул:

— Вон она! Я ее вижу!

Рыбина описала широкий круг под яликом. Ее красно-бронзовые бока вспыхнули, отразив солнечный свет, как зеркало.

— Боже праведный, она прекрасна!

Джим уже видел большие золотистые глаза рыбы, смотревшие на него сквозь изумрудную воду. Пасть зубана открывалась и закрывалась, пластинки, прикрывавшие жабры, светились, качая воду: рыбе не хватало кислорода. Челюсти зубана были достаточно велики, чтобы захватить голову и плечи взрослого мужчины, и по их краям бежали ряды зубов, длинных и толстых, как указательный палец.

— Вот теперь я верю в историю дяди Дорри, — напряженно выдохнул Джим. — Такие зубки без труда откусят любую ногу.

Наконец, почти через два часа после того, как крюк впился в челюсть рыбы, они подвели зубана к ялику. Затем вместе подняли из воды его огромную голову. Но едва они это сделали, рыба в последний раз впала в ярость. Ее туловище было длиной с высокого мужчину и толстое, как живот шетландского пони. Рыба билась и изгибалась так, что касалась носом хвостовых плавников. Поднятые ею фонтаны воды потоком обрушивались на парней, они как будто очутились под настоящим водопадом. Но они продолжали крепко удерживать свою добычу, и наконец бешеные пароксизмы затихли.

Тогда Джим крикнул:

— Поднимай ее в воздух! Она готова для жреца!

Он выхватил из крепления под поперечным брусом дубинку. Конец этой дубинки был утяжелен свинцом; хорошо сбалансированная, она отлично ложилась в его правую руку. Джим замахнулся для удара — и опустил дубинку на костяной гребень над злыми желтыми глазами. Огромное тело застыло, по красно-золотым бокам пробежала последняя дрожь. Жизнь покинула рыбу, и она, перевернувшись белым животом вверх, поплыла рядом с яликом; ее жаберные пластины развернулись, как дамский зонтик.

Юноши, насквозь пропотевшие, тяжело дыша, прижимая к груди израненные ладони, наклонились через борт и с благоговением уставились на изумительное существо, убитое ими. Они не смогли бы найти слова, которые адекватно отразили бы охватившие их чувства: триумф и сожаление, ликование и грусть... страсть и пыл охоты пришли к своему завершению.

— Великий пророк, да это же настоящий Левиафан! — негромко проговорил Мансур. — Я чувствую себя рядом с ним таким маленьким!

— Акулы могут появиться в любую минуту, — сказал Джим, разрушая чары мгновения. — Помогите мне затащить ее в лодку.

Они пропустили канат через жабры зубана и потянули вторым; ялик опасно накренился, готовый перевернуться вверх дном, когда они переваливали рыбину через борт. В суденышке едва хватало места, чтобы вместить такое чудище, а сеть на скамьи теперь и вовсе не оставалось возможности, так что юноши пристроились на бортах. Когда рыбу втаскивали в ялик, с нее ободрались часть чешуи: эти чешуйки были размером с золотой дублон и такие же яркие.

Мансур поднял одну, повернул так, чтобы в ней отразилось солнце, и зачарованно уставился на нее.

— Мы должны отвезти эту рыбу в Хай-Уилд, — сказал он.

— Зачем? — коротко спросил Джим.

— Показать родным, моему отцу и твоему.

— К закату она потеряет цвет, чешуя станет сухой и тусклой, а мясо начнет портиться и вонять. — Джим покачал головой. — Я хочу запомнить ее вот такой, во всем ее великолепии.

— Что же нам тогда с ней делать?

— Продадим ее эконому какого-нибудь голландского корабля.

— Такое прекрасное существо... И продать ее, как мешок картошки? Это похоже на святотатство! — запротестовал Мансур.

— Но разве в Книге Бытия не говорится, что Бог отдал человеку всех тварей на земле и в море? Чтобы убивать и есть их. Он сам так велел. При чем тут святотатство?

— Это твой Бог, а не мой, — возразил Мансур.

— Он один и тот же, что твой, что мой. Мы просто называем Его разными именами.

— Он и мой тоже. — Зама не остался в стороне. — Кулу-Кулу, величайший из всех Великих.

Джим обмотал обрывком ткани пораненную руку.

— Значит, во имя Кулу-Кулу. Этот зубан предназначен для того, чтобы попасть на борт голландского корабля. И я намерен воспользоваться им как рекомендательным письмом к эконому. Я собираюсь продать ему не только эту рыбину, но заодно и продукцию из Хай-Уилда.

При северо-западном ветре, дувшем со скоростью десять узлов им в спину, они смогли поднять свой единственный парус и быстро добрались до залива. Под пушками крепости стояли на якоре восемь кораблей. Большинство находились здесь уже много недель и успели запастись провизией.

Джим показал на тот, что пришел последним:

— Они не ступали на сушу долгие месяцы. И истосковались по свежей пище. Наверное, от цинги страдают.

Джим повернул румпель и повел ялик между кораблями.

— После того как они чуть не налетели на нас, они нам должны хорошие денежки.

Все Кортни являлись торговцами до мозга костей, и даже для самых юных из них слово «прибыль» имело почти религиозное значение. Джим подвел ялик к голландскому кораблю. Это оказался вооруженный торговец, трехпалубный, с двадцатью пушками по борту, квадратными парусами и тремя мачтами. Он поднял вымпелы и флаг Голландской Республики. Когда ялик подошел к нему, Джим увидел, что корпус и такелаж сильно потрепаны штормами. Кораблю явно пришлось нелегко. Потом Джим рассмотрел и название, написанное поблекшими золотыми буквами: «Het Gelukkige Meeuw», «Счастливая чайка». Джим усмехнулся — уж очень это название не подходило старой потрепанной посудине. А потом он прищурил в удивлении и любопытстве зеленые глаза:

— Женщины, видит бог! — Он показал вперед. — Сотни женщин!

Мансур и Зама вскочили и уставились на корабль, прикрывая глаза от солнца ладонями.

— И правда! — воскликнул Мансур.

Кроме жен бургеров и их флегматичных, тщательно охраняемых дочерей да шлюх в прибрежных тавернах, женщин на мысе Доброй Надежды почти не было.

— Вы только посмотрите на них! — благоговейно выдохнул Джим. — Вы только посмотрите на этих красавиц!

Главную палубу голландца заполняли женские фигуры.

— Откуда тебе знать, что они красавицы? — возразил Мансур. — Мы еще слишком далеко, не рассмотрим. Может, это уродливые старые вороны?

— Нет, Господь не может обойтись с нами так жестоко, — взволнованно засмеялся Джим. — Каждая из них — как ангел с небес! Я просто знаю это!

На шканцах стояла небольшая группа офицеров, а матросы уже занимались починкой такелажа и красили корпус корабля. Но три юнца в ялике видели только женские фигуры на баке. И тут до них опять донеслась волна вони, что висела над кораблем, и Джим в ужасе вскрикнул:

— Да они все в кандалах!

Обладавший самым острым зрением из всей троицы, он понял, что женщины двигаются по палубе рядами, неуклюжей походкой закованных в цепи пленниц.

— Осужденные, — согласился Мансур. — Твои небесные ангелы — просто преступницы. Они страшнее самого греха.

Теперь они подошли уже достаточно близко для того, чтобы рассмотреть лица некоторых потрепанных существ, их серые жирные волосы, беззубые рты, бледность древней кожи, провалившиеся глаза и на большинстве несчастных лиц — уродливые пятна и синяки, порожденные цингой. Женщины смотрели на приближавшуюся лодку тусклыми, пустыми глазами, не проявляя никакого интереса, никаких эмоций.

Даже похотливые инстинкты Джима остыли. Перед ним находились уже не человеческие существа, а забытые, униженные животные. Их одежда из грубого холста была изорвана и испачкана. Они явно не меняли ее с тех самых пор, как покинули Амстердам, и не имели воды даже для того, чтобы помыться, не говоря уж о стирке. За женщинами приглядывали вооруженные мушкетерами стражи. Когда ялик подошел на расстояние оклика, какой-то младший офицер в синем бушлате поспешил к поручням и поднес ко рту переговорную трубу.

— Остановитесь! — крикнул он по-голландски. — Это тюремный корабль! Держитесь подальше, или мы откроем огонь!

— Он не шутит, Джим, — сказал Мансур. — Давай-ка уберемся подальше.

Джим проигнорировал его предложение и поднял повыше одну из рыбин.

— Vars vis! Свежая рыба! — прокричал он в ответ. — Только что из моря! Поймали час назад!

Мужчина у поручней заколебался, и Джим не упустил шанс:

— А посмотри на эту! — Он показал на огромное туловище, занявшее почти весь ялик. — Каменный зубан! Самая вкусная рыба во всех морях! И тут достаточно, чтобы всех на борту кормить целую неделю!

— Подождите! — крикнул офицер и поспешил через палубу к шканцам.

Там он быстро переговорил со старшими по званию и вернулся к поручням:

— Ладно, порядок. Подходите! Но держитесь подальше от нашего носа. Цепляйтесь за цепи на корме.

Мансур опустил их маленький парус, и юноши на веслах подошли к кораблю. У поручней уже стояли три матроса, направив на ялик мушкеты.

— Не пытайтесь выкинуть что-нибудь эдакое, — предостерег юношей младший офицер. — Если не хотите получить пулю в живот.

Джим льстиво улыбнулся ему и показал пустые ладони:

— Мы не хотим ничего плохого, минхеер. Мы просто честные рыбаки.

Джима все еще зачаровывали ряды закованных женщин, но теперь он смотрел на них с отвращением и жалостью. Потом сосредоточился на том, чтобы подвести ялик вплотную к борту корабля. Он проделал это с истинным изяществом, а Зама бросил носовой фалинь матросу, ожидавшему наверху.

Корабельный эконоом, пухлый лысый мужчина, наклонился через поручни и всмотрелся в ялик, чтобы оценить предлагаемый товар. На него явно произвели впечатление размеры гигантского зубана.

— Я не намерен кричать до хрипоты. Поднимайтесь сюда, поговорим, — пригласил эконоом Джима и приказал матросу спустить веревочный трап.

Это было то самое приглашение, на которое рассчитывал Джим. Он взлетел по трапу, как акробат, и спрыгнул на палубу рядом с экономом, шлепнув по доскам босыми ступнями.

— Сколько ты хочешь за большую?

Вопрос прозвучал неоднозначно, и эконом при этом окинул тело Джима оценивающим взглядом гомосексуалиста. «Неплохой экземпляр», — подумал он, изучая мускулистые грудь и руки, длинные стройные ноги, гладкие, покрытые загаром.

— Пятнадцать серебряных гульденов за весь наш груз.

Джим подчеркнул последние слова. Интерес эконома к нему был очевиден.

— Ты что, сбежал из сумасшедшего дома? — возразил эконом. — Ты сам, вся твоя рыба и твоя грязная лодчонка вместе не стоите и половины таких денег!

— Лодка и я не для продажи, — с удовольствием заверил его Джим.

Торгуясь, он окунался в родную стихию. Отец отлично научил его этому делу. И Джим не испытывал ни малейших угрызений совести, используя сексуальные склонности эконома для того, чтобы выбить из него наилучшую цену. Они сошлись на восьми гульденах за весь груз.

— Я хочу оставить себе маленькую рыбешку, на ужин семье, — сказал Джим, и эконом хихикнул:

— Ты умеешь торговаться, приятель.

Он плюнул себе на правую ладонь и протянул руку Джиму. Джим плюнул на свою ладонь, и они обменялись рукопожатием, скрепляя сделку.

Эконом задержал руку Джима немного дольше, чем это было необходимо:

— А что еще ты продаешь, молодой жеребец?

Он подмигнул Джиму и облизнул жирные, потрескавшиеся от солнца губы.

Джим ответил не сразу, он отошел к поручням, наблюдая за тем, как команда «Счастливой чайки» спускает грузовую сеть в ялик. Мансур и Зама с трудом втянули в нее огромного зубана. Потом его подняли и положили на палубу корабля. Джим снова повернулся к эконому.

— Я могу тебе продать груды свежих овощей: картошку, лук, тыкву, фрукты — все, что угодно, причем за половину той цены, которую с тебя потребуют в садах компании, — сказал он.

Литературно-художественное издание

УИЛБУР СМИТ
ГОЛУБОЙ ГОРИЗОНТ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Юлия Зачесова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ирина Киселева, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.04.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-АВВ-24415-01-Р